

*Автор благодарит за консультации
Клода Роффе и Натана Зabloцкиса*

Все события и действующие лица романа являются вымышленными, любое совпадение с действительностью может быть только случайным.

...Совершенно непонятно, каким образом, но он забыл дома паспорт. Хорошо, вовремя спохватился, до самолета должен успеть, если гнать. И он гнал, за сто зашкаливало. Ярославка была относительно свободной, и гаишники — давно добрые, щедро подмазанные друзья — только ручкой приветственно делали: проезжай, мол, родной, для тебя все, что хочешь.

Марк притормозил перед воротами своего загородного дома, машину во двор заводить не стал, шоферу и охраннику кивнул: «Я туда и обратно».

— Май! Майчонок! — позвал, войдя в дом.

Но жена не откликнулась, должно быть, была наверху. Марк колебался: дозваться все-таки, чтобы позвонить еще разок свою золотоволосую девочку, или бежать скорее обратно к машине — утром попрощались, чего уж там, она его не ждет, даже не знает, что он за забытым паспортом примчался...

— Майчонок! — крикнул он снова для верности.

Наверное, в наушниках музыку слушает, она их почти не снимает, все делает в них: читает, хозяйничает, гуляет. Марк даже беспокоился: слух, говорят, от них снижается...

Пойти наверх? Нет, надо торопиться. Марк схватил паспорт — он лежал на виду, на каминной полке, и когда только он его туда положил? — потом листок бумаги и, присев на край стула, черкнул: «Забыл паспорт, заезжал домой, тебя не дозволялся, тороплюсь, целую, люблю». И поставил свою красивую, с росчерком подпись.

Тихий звук за спиной привлек его внимание, и Марк хотел было обернуться, но неожиданно почувствовал резкий прострел под лопаткой, словно вступил радикулит, какой-то там шейно-плечевой, о котором он знал только понаслышке. Стало трудно дышать.

«Да что же такое? — удивился Марк, тяжело разворачиваясь от стола. — А вдруг инфаркт? — подумал он. — Вдруг разрыв сердца?»

Поворачиваться было невероятно больно, он сжался, схватился за грудь и еще больше удивился, когда увидел на своей руке кровь. Марк с трудом встал, опираясь окровавленной ладонью о стол, и понял, что рука испачкалась от рубашки, и он бы удивился этому несравненно сильнее, но не успел: он умер.

От разрыва сердца.

Пулевого.

* * *

— А это обязательно? — поморщился Алексей Кисанов, когда Александра, придирчиво изучив содержимое шкафа, выбрала и подала ему галстук.

— Нет, — сказала она, — но ты мне нравишься в галстук.

— Ага, без галстука я тебе не нравлюсь, надо понимать? — Алексей внимательно следил в зеркале за

своими пальцами, не слишком ловко справлявшимися с узлом.

— Нравишься. И без всего остального тоже.

— Звучит обнадеживающе...

— «Надежды юношей питают...»

— О, меня в юноши зачислили! Ты сегодня необыкновенно любезна. А что питает девушек?

— Юноши. Когда становятся их мужьями и перестают питаться надеждами.

— Смотри-ка, до чего ловко мир устроен! Когда я слушаю твои комментарии, мне кажется, что я смотрю передачу «В мире животных».

— А когда их не слушаешь, то просто в мире животных живешь.

— Ага. — Алексей внимательно изучил плоды своих трудов, развязал галстук и принялся заново мастерить подлый узел под насмешливым взглядом Александры. — Это типа того, что люди едят зверей, а звери едят людей?

— В основном люди едят друг друга. Зверям мало достается.

— Невеселая картина.

— Веселая или нет, но через десять минут ты отправишься прямо в пасть к одному из представителей самых опасных человеческих хищников. Если ты об этом забудешь хоть на минуту — ты проиграешь...

«Человеческий хищник», а именно Аркадий Усачев, известный ведущий, около месяца тому назад пригласил Алексея в свою телепередачу «Автопортреты». Известен же был Усачев своими провокационными вопросами, умением втягивать гостей в полемику и вытаскивать из них информацию, интимную и компрометирующую. Невинное на первый взгляд название «Автопортреты» имело самый что ни на есть

издевательский подтекст: это были, по существу, авторазоблачения, нечаянный ментальный стриптиз, в орбиту которого были искусно вовлечены не только приглашенные, но и прочие лица, оставшиеся за кадром. И сыпались в эфир семейно-постельные секреты, выставлялась на всеобщее обозрение подноготная бизнеса, выворачивалась изнанка политических деятелей и их деятельности перед глазами миллионов избирателей...

* * *

...Через некоторое время Майя спустилась вниз, закричала, точнее, завизжала, даже за воротами ее услышали охранник и шофер; они уже мчались к дому, пока не понимая, имеют ли право туда ворваться, беда ли приключилась или просто супруги поссорились. Майя, охваченная истерикой, глядела побелевшими от страха глазами на двоих мужчин, замерших у раскрытого окна в короткой напряженной стойке; под их цепкими, быстрыми взглядами ее крик сошел на нет, превратившись в тихое рыдание — «мамочки, мамочки, ой, мамочки», — и она заметалась между неподвижным телом мужа и пистолетом, черное блестящее тельце которого четко выделялось на фоне бледно-зеленого ковра.

Когда двое за окном поняли, что это не супружеская ссора, и ворвались в дом, Майя, пятясь назад, подхватила с пола пистолет и двумя руками наставила на них:

— Это не я... это не я... не трогайте меня, уходите!.. Это не я!.. Не знаю кто... я не видела...

Мужчины растерянно смотрели то на Майю, то на

тело Марка, завалившееся в неуклюжей позе на бок возле стула, не зная, что предпринять.

— Что случилось, Майя Максимовна? — спросил шофер Гоша спокойно и строго. — Что с Марком Семеновичем?

— Его уб-били. — Каждый звук был отбит дробью ее зубов.

Шофер шагнул было в сторону тела со словами:

— Возможно, он только ранен, надо посмотреть, может, его еще можно спасти...

— Стоять! — взвизгнула Майя. — Не двигайтесь! Марк мертв, убит, убит, убит...

Ее душили рыдания без слез, жестокие содрогания горла и лица, растянувшие губы в некрасивой гримасе; пистолет прыгал в руках.

— Майя Максимовна, — ласково произнес шофер Гоша, — положите пистолет, зачем вы его подняли?

— Не з-знаю!.. Вы подумаете, что это я!..

— Лучше будет, если мы его положим туда, где он лежал. Надо срочно вызвать милицию! Зря вы подобрали оружие, теперь на нем будут ваши отпечатки, — увещевал ее шофер. — Он ведь лежал на ковре? Дайте мне его, я его оботру и положу на место, пусть милиция разбирается...

Он не стал подходить к Майе, боясь ее напугать, — просто раскрыл ей навстречу ладонь.

Майя, бледная и замедленная, как загипнотизированная сомнамбула, двинулась к мужчинам, протягивая пистолет...

И вдруг ринулась к выходу мимо них. Они не успели ничего понять, как раздался шум мотора: Майя завела свою машину и, едва не врезавшись в стойку ворот, исчезла из виду.

* * *

Когда частный детектив Алексей Кисанов (для своих просто Кис) получил приглашение на телевидение, его первая реакция была: отказаться. Он сразу учуял: Усачев будет подбивать его на конфликтный разговор о милиции. Но Кис все же решил посоветоваться с Александрой, любимой женщиной, а также известной журналисткой в свободное от его любви время¹.

...В тот день Алексею удалось закончить дела пораньше, он пришел домой первым и успел комфортно развалиться на диване. Откуда он и вещал, услышав, что Александра, раздевшись в прихожей, направилась напрямиком в душ.

— Свет мой Алексанна Кирилна, не изволите ли сначала осчастливить меня поцелуем?

— А вы, сударь, не изволите ли задницу оторвать от дивана и потрудиться передвинуться за причитающимся поцелуем? — донеслось до него.

— По законам физики, это свет падает на предметы, а не предметы на свет!

— Учту на будущее, что ты предмет. Что же до людей, то, по законам психологии, люди тянутся к свету, — донеслось до него.

Шум душа послужил точкой в содержательной беседе.

Алексей встал, потянулся и неспешно направился к ванной комнате. Легонько приоткрыл дверь: Александра плескалась за полупрозрачной перегородкой. Мельком подумав, как он любит это тело, смутно и

¹ См. романы Т.Светловой «Шантаж от Версаче» и «Шалости нечистой силы».

горячо розовеющее в пару ванной, Кисанов уже было вознамерился возлечь обратно на ложе, чтобы доиграть роль капризного патриция, как Александра произнесла, не оборачиваясь:

— Или туда, или сюда. Но закрой дверь.

— У тебя глаза на затылке, — проворчал Алексей, раздосадованный тем, что его застукали.

— На коже. Холодок из двери.

— А причитающийся поцелуй?

— Если не боишься вымокнуть...

Он вымок полностью спустя пять минут. В связи с чем разделся. В связи с чем решил тоже принять душ. В связи с чем...

В связи с чем прошло не менее часа, когда оба вывалились из душа, розовые, распаренные и сытые нежной любовной близостью.

— Меня Усачев зовет в свою передачу, — сообщил Кис, усевшись за стол.

Не желая тратить много времени на кухню, Александра готовила без изысков, но вкусно. После многих лет холостяцкой неустроенности души и быта все, что выходило из-под рук Александры, казалось Кису деликатесом, а приправленная ее обществом еда и вовсе превращалась в райскую пищу.

Их отношения по молчаливому согласию сложились в некую форму свободного союза. Каждый по-прежнему жил у себя, но почти все вечера и ночи они проводили вместе — то у него, то у нее, смотря по обстоятельствам.

Одним из «обстоятельств» негаданно стал Ванька, помощник Алексея, безалаберный студент юрфака, снимавший у детектива маленькую комнату в его

трехкомнатной квартире на Смоленке в обмен на необременительную помощь в расследованиях и секретарских делах.

Появление женщины в квартире детектива Ванька принял неожиданно ревниво, как разрушение мужского братства, и всем своим видом демонстрировал Саше, что он имеет приоритетные права на эту квартиру и на ее хозяина, то бишь Алексея Кисанова. Всегдашний разгильдяй, Ванька вдруг даже заделался передовым дежурным по кухне, исправно разогревая каждый вечер полуфабрикаты и моя посуду, лишь бы не допустить самозванку к управлению их холостяцким бытом. Александра посмеивалась, но Кис чувствовал себя не слишком комфортно. Посему они чаще встречались в квартире Александры на проспекте Мира. Но все же и на Смоленку заглядывали: Ванька ревновать — ревновал; когда Александра приходила, хамил и устраивал демонстрации, но, когда они не появлялись больше трех дней, обижался и скучал.

— Он к тебе относится как к отцу, — резюмировала Александра.

— А то я не вижу, — буркнул Кис и подумал: «Если б я к нему относился как к сыну, уже давно бы штаны спустил наглецу да надавал хорошенько по заднице...»

Впрочем, по истечении первых двух месяцев конфликт «отцы и дети» стал потихоньку рассасываться, Ванька допустил Александру к священному алтарю кухонной плиты, хотя сам неотступно крутился рядом — то ли ревниво следил, то ли помогал. И времени до Алексея, который частенько сживал за работой по вечерам, стали доноситься взрывы их дружного смеха с кухни.

— Ты ваше качок, Кис, — сказал в один из этих

дней Ванька, — я и не знал, что ты в телках разбираешься.

Кис, охваченный педагогическим порывом, едва не ударился в разъяснения по поводу вульгарного «телки», но в конечном итоге сделал выбор в пользу мира и взаимопонимания между поколениями и коротко ответил:

— А то!

Однако спустя несколько недель воцарившийся было мир в старой квартире на Смоленской стал опять расползаться по швам. Ванька в присутствии Александры стал как-то подозрительно бледнеть, заикаться и ронять посуду.

— Если он ко мне относится как к отцу, то в таком случае у него явно наметился эдипов комплекс, — резюмировал Кис.

Александра улыбнулась, но снова стала реже бывать у Киса.

Должно быть, воздержание от встреч с избранницей «внештатного отца» охладило юный Ванькин пыл, поскольку еще пару месяцев спустя он чинно представил Алексею девушку, чем-то неуловимо напоминающую Александру.

— Ну ты качок, Ванька, — сказал ему Кис. — Я и не знал, что ты в телках так хорошо разбираешься...

— А то! — важно ответил шалопай...

— ...И ты согласился участвовать в передаче? — спросила Александра.

— Пока нет.

— Боишься?

— Не люблю, когда из меня клоуна делают.

— На это Усачев мастер, собеседников подставляет виртуозно... Что сказал, когда приглашал?

— О, пел соловьем! Лучшие-де кадры милиции ушли в частную практику, остались одни болваны, которые к тому же, раскрыв дело исключительно с помощью высокоодаренного частного детектива, приписывают все подвиги себе и получают звания и премии, а такие настоящие герои, как я, остаются в неизвестности. А народ должен знать своих...

— ...героев в лицо, — подхватила Александра. — Это девиз его передачи. Понятно. Усачев — великолепный профессионал самой похабной разновидности журналистики. Он нароет любой скандал даже там, где его нет, и любой ценой, включая самые грязные методы. Помнишь, как он едва не довел до суицида Валю Елагину?

— Я не смотрю его передачи.

— Ну, молодая актриса, восходящая звезда, талантливая девочка, — так он принялся полоскать перед всеми проделки ее отца, коррумпированного депутата, намекая, что именно он устроил дочке на фестивале приз за лучшую женскую роль. Полнейшая ложь! Я знаю Елагину, она с пятнадцати лет со своим отцом не разговаривает! Знаешь, что меня больше всего бесит в Усачеве? Что он держит всех за идиотов. Спел лисью песенку: «голубушка, как хороша, какие перышки, что за душа», и уверен, что купил всех с потрохами! После чего беззастенчиво выворачивает эти самые потроха... И Валя, дуреха, тоже купилась на его лесть.

— А знаешь, что больше всего бесит меня? Что он прав: идиотов слишком много. Если бы это было не так, его передача не была бы столь популярна. Но у

него отбоя нет ни от «гостей», ни от горячих поклонников.

— Пожалуй, Алеша, я бы на твоём месте согласилась... Просто чтобы доказать ему, что не все такие безмозглые...

— Стоит ли ввязываться в эту лабуду? Зачем? Кому это нужно? Зрителям? Так если у них мозгов нет, то уже и не прибавится...

— Мне. У меня ещё за Валю Елагинову к нему счеты. Руки пока не дошли, но давно чешутся.

— Ага. Руки чешутся у тебя, а отдуваться должен я?

— Боишься?

— По-моему, мы начинаем разговор сначала: не хочу оказаться в роли клоуна. Я ведь буду в прямом эфире, а нужные ответы иногда находятся слишком поздно. Я не мастер по словесным пикировкам.

— А ты поначалу прикинься дурачком простодушным, подыграй ему. За это время ты сможешь обдумать, как повернуть разговор. И когда он уже будет уверен, что ты у него в кармане, — выдашь Усачеву все, что ему причитается...

Он согласился. Он, собственно, с самого начала знал, что согласится. И не только потому, что Александра его попросила, нет. Просто так он был устроен. Кис давно не верил в торжество справедливости, давно не питал никаких иллюзий на сей счет. Да и само понятие справедливости слишком туманно, неконкретно, «амбивалентно», как выражалась Александра, — или, проще говоря, у каждого всегда находится своя правда. Но *несправедливость*, напротив, была всегда конкретна, осязаема, и Алексей на нее реагировал кожей, она почему-то всегда оказывалась

его личным делом. Разумеется, он знал, что всю грязь никому не под силу одолеть, но считал, что маленький участок, который у тебя под ногами, вычистить можно. Или можно попробовать, скажем так.

И вот теперь он вязал перед зеркалом душегубку-галстук, собираясь в Останкино.

— Значит, ты делаешь польщенный вид, — наставляла его Александра на прощание, — и киваешь-подкиваешь на все комплименты и лесть Усачева. До тех пор, пока он не расслабится и не предоставит тебе слово, считая, что ты уже вполне прожарился на костре своего тщеславия. Вот тогда ты и скажешь все... Я буду у экрана, Алеша, я буду с тобой...

* * *

Бессмысленно проболтавшись по улицам больше двух часов, Майя остановилась у какого-то бара на проспекте Мира.

Бар был пустым, в нем по западной причуде почти не кормили и только предлагали разные напитки, от соков до самых крепких, да несколько видов легких закусок с тяжелыми ценами в у.е. Она села за столик и заказала коньяк. Бармен с любопытством смотрел на хорошенькую девушку, гадая, что же могло так испугать эту крошку, которую он, кажется, уже видел в своем баре... Над стойкой работал телевизор, началась передача «Автопортреты», Майя тупо смотрела на экран, на самодовольное лицо Усачева — уж этот-то портрет вся страна знает...

Усачев объявил гостя передачи, частного детектива Алексея Кисанова, и Майя сморщила нос: где-то она слышала эту фамилию... В голове гудело, будто ее огрели чем-то весьма увесистым, и мысли обтекали

случившееся, как толпа обтекает раздавленную кошку, отводя глаза и стараясь не фиксировать в памяти жалкое зрелище поруганной маленькой жизни. Она уткнулась в рюмку коньяка, обхватив ее обеими руками, словно хотела о нее погреться, склонившись носом, шеей, спиной к янтарному напитку, вдыхая его терпкий запах... И вдруг снова уставилась на экран. Потом вскочила. Дернулась было к выходу, но тут же обратно к столику, сделала два глотка коньяку, и опять к выходу.

— Эй, а платить кто будет? — крикнул бармен ей вслед, но Майя уже была на улице. Он не стал ее догонять: убытку почти никакого, два глотка. Он вылил остаток рюмки обратно в бутылку и покачал головой.

Добравшись до Останкина, Майя снизу позвонила: «Аленка, мне нужно срочно с тобой увидеться, закажи пропуск! Случилось, случилось, просто ужас, сейчас объясню».

Нервно переминалась у окошечка, пока не получила заветную бумажку, промчалась мимо постового и кинулась к лифтам.

Алена уже ждала ее в холле у лифтов на шестом этаже, обеспокоенная. Майка, со своей маленькой ладной фигуркой, светло-рыжими, золотыми волосами и зеленовато-голубыми глазами, с белой кожей и легкими веснушками по первому солнцу, была похожа на какую-нибудь принцессу из рисованного мультлика, прозрачную и невесомую, очаровательную и взбалмошную. А у рисованной принцессы в ее рисованной жизни не может, по определению, случиться ничего плохого; в ней надежные друзья в виде ослика и пса распевают стройным хором жизнерадостные

песенки, принц появляется строго в назначенное время, а злодеи всегда побеждены и выставлены на посмешище.

Но сейчас голосок Майи встревожил ее не на шутку. Алена нетерпеливо поглядывала на лифты, но почему-то ни один не желал останавливаться на ее этаже.

И только когда истекли пятнадцать минут, в которые можно было пятнадцать раз спуститься и подняться на шестой этаж, Алена вдруг, отчего-то холодея, вспомнила их разговор двухнедельной давности...

* * *

...Посреди захватывающей беседы о марках губной помады Майя внезапно спросила: «Показать тебе мои статьи?»

Девушки утонули в низких диванчиках и полумраке бара телецентра в Останкине. Алена сидела прямо, едва склоняясь к низкому столику, на котором стояли коктейли и кофе, заказанные подругами. Майя, напротив, почти уткнулась в свой стакан и пыталась достать соломинкой вишенку со дна. Они были ровесницами, двадцать шесть лет, но издалека можно было их принять за маму с дочкой: высокая Алена с величавой осанкой и мелкая хрупкая Майя, со шкодливыми и нетерпеливыми повадками ребенка. Алена никогда не меняла разворот плеч и свой интерес к собеседнику или предмету обозначала лишь легким наклоном головы, тогда как Майя, казалось, гибко группировалась всем телом, как обезьянка, вокруг объекта ее интереса. С Аленой, крупной, статичной в своей пластике и солидной в манерах, они абсолютно не сочетались, но, может, именно поэтому и дружили:

они были настолько разными, что соперничать было бессмысленно.

— Статьи? Ты стала писать? — Алена с сомнением посмотрела на подругу. Пожалуй, она так и относилась к Майе: как к милому ребенку, которого можно баловать (что и делали все поголовно), но от которого невозможно ждать серьезных шагов.

— Вернее, репортажи. Уже четыре вышло. Смотри.

— Марк тебя пристроил? — спросила Алена, принимая стопочку тонких еженедельных развлекательных дамских журналов.

— Ага! — беспечно отозвалась Майя.

Она никогда не стеснялась рассказывать о том, кто и как устроил ее дела. На факультете журналистики Майя вызывала ярую, возмущенную зависть сокурсниц, оттого что у нее постоянно и неотвратно находились поклонники или просто доброхоты, которые помогали ей подготовить доклад или курсовую, провести ее на элитарное мероприятие, куда остальные не смели и мечтать попасть, — у мужчин Майка стабильно провоцировала неумное желание ее опекать и о ней заботиться. Поднесенные дары и услуги она принимала весело и охотно, без малейших комплексов, словно так и должно быть. Никто и не удивился, когда Майя выскочила замуж за богача и очаровашку Марка Щедринского: все привыкли, что судьба (в лице мужчин) ее балует.

— Я могу взять? — спросила тактичная Алена, мазнув взглядом по первым строчкам статьи: не хотела читать при подруге, была уверена, что Майка способна написать только полную чушь.

— Бери.

Алена хотела было уже убрать журналы в сумку, как вдруг ее внимание привлекла одна фотография.